

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждому хочется заглянуть в будущее. Кое-кто скрупулезно прочесывает тонны гороскопов. Другие, куда проще, идут к гадалкам. Третьи просто размышляют, куда погонит их жизнь. Но все это касается личной судьбы. И очень редко кто задумывается над судьбой своей деревни, страны, мира, наконец.

А от перспектив мирового развития индивидуальная судьба может зависеть куда больше, нежели от переплетений жизненных обстоятельств людей. Особенно велика тяга всмотреться в будущее, когда страна, ее народ пересекают мрачное безвременье, из которого, кажется, и выхода-то нет.

Но есть не только гадалки и предсказатели. За плечами человечества огромный научный багаж, в который толком еще никто не вникал. Мы забыли, что наши судьбы в руках матушки-Земли — греческой мифологической Геи. Веками она дает людям жизненные ориентиры. Сегодня у нас пока немногие обратили на нее внимание. Ощутив под ногами Землю, они заново создают науку — геополитику, которую еще не так давно ругали последними словами.

Автор, всю свою жизнь занимавшийся геополитикой (во всяком случае, близко стоявший к ней), не догадываясь, что это геополитика, — как известный литературный персонаж не знал, что он говорит прозой, — захотел заглянуть вперед. На основе того, что он знает. На базе сорокапятилетнего багажа, который он приобрел в дипломатии. Разумеется, дипломат может не иметь представления о геополитике, но это плохой дипломат. Хороший — всегда геополитик, от рождения, от воспитания, от рабочего опыта. Желание

заинтересовать читателя этой новой для России наукой, коснуться неких лежащих на поверхности геополитических явлений и фактов стало отправной точкой для написания этого романа.

Его действие относится к воображаемому периоду конца XX — начала XXI века. Всякое сходство персонажей с реальными людьми и подлинными событиями является случайным.

Евгений Мухин

ГЛАВА I

Самолет сильно потрянуло при посадке. Стандартно вкрадчивый полусшепот стюардессы оповестил, что самолет приземлился в парижском аэропорту имени Шарля де Голля. Взглянув через иллюминатор на быстро приближающиеся огни аэровокзала, Муравьев отключился наконец от своих мыслей, которые с самого отъезда из дома и в течение всего трехчасового полета неотвязно прокручивались в голове.

Несмотря на ранний для весны час, уже опустились сумерки. Муравьев снова вспомнил о Рудакове, его долговязую, немного смешную фигуру. В Москве, буквально за полчаса до выезда в аэропорт, когда Муравьев, конечно, уже никого не ждал, внезапно раздался звонок, и на пороге возник его давний приятель Юра Рудаков. Несколько лет назад он тоже был дипломатом, одно время они работали вместе, а потом вдруг по окончании длительной загранкомандировки Рудаков оставил дипслужбу, перешел в крупный российский банк, где вскоре занял кресло гендиректора.

— Извини, Андрей. Вижу, не вовремя, но всего на одну минуту. Сразу к делу. Годы идут быстро, отставка твоя неминуемо приближается. И ты о ней, видно, уже подумываешь. Дома ведь сидеть не будешь. Рыбу ловить тоже. А нам знающие люди нужны. Работящие, профессионалы высшего класса. В будущем году открываем филиал в Париже и ждем тебя на место руководителя. С карьеры тебя срывать не хотим: знаю, что она для тебя значит. Мы можем подождать, пока подойдет время отставки. Время на раздумья есть. А осенью поговорим подробнее. Сделаем так, чтобы наши овцы были целы и волк, то бишь ты, был сыт.

— Да, Юрий Фомич, непредсказуемый ты человек. Ворвался в дом, наговорил черт-те чего, а у меня самолет через час. Правильно ты говоришь, не вовремя все это.

— Поднимаясь по лестнице, думал, найду понимание. Времени, конечно, мало. Но обговорить и решить хотя бы в принципе — достаточно. Мы ведь не с кондачка тебе это место предлагаем.

Муравьев действительно собирался в отставку и уже говорил на этот счет в Москве кое с кем из начальства.

— Ладно, старик, — смягчился Муравьев, — я подумаю. Но не сейчас, уж извини великодушно. Через двадцать минут выезжать, а у меня не все собрано. Опять в спешке что-нибудь забуду.

— Хорошо. Не буду мешать. Прошу только иметь в виду, что это официальное предложение банка. Мы хотели сориентировать тебя еще до отлета. И дать время подумать. А осенью при полном составе правления утрясти все до последних мелочей. Впрочем, ответ, который мы ждем, может быть только положительным, — рассмеялся Рудаков.

— А что ты так напирал на меня?

— Дела банковские — вещь все еще новая для нас. Не хочется сразу лицом в грязь. Поэтому нам и нужен на это место человек свой, знающий, который не подведет. Когда вокруг полно всякой шпаны и вора, можно рассчитывать только на близких людей. Часть банков до сих пор сплошной криминалитет.

Запихивая в чемодан вещи, которые туда никак не хотели влезать, Муравьев думал над предложением Рудакова. Нет, оно не удивило. Уже были разные предложения и будут еще. Конечно, все это льстило его самолюбию. Когда ты всем нужен, когда ты нарасхват — значит, чего-то стоишь, значит, выделяешься не просто из массы, а выделяешься из ее верхних слоев.

Главная трудность была не в том, кому сказать «да». Загвоздка в другом. Просто-напросто он не хотел оставлять дипслужбу. Отставка вообще представлялась ему каким-то разрывом, даже обрывом. Он любил свою профессию, прирос к ней. В русской колонии во Франции был вторым лицом,

а на деле — и все понимали это — первым. В условиях смены послов чуть ли не каждый год он был каким-то гарантом стабильности. К тому же эта его старомодность. Он в глубине души обижался, когда дочь говорила об этом. Но она была права: он был старомоден со своим гипертрофированным чувством долга и каким-то самоотречением в работе. А работа в посольствах, в дипломатии вообще, вопреки тому, что часто думают обыватели, всегда есть, ее всегда много, она всегда срочная. И всегда нужна ломовая лошадь, чтобы тянуть воз. Муравьев тянул его с удовольствием. При всех послахах он оставался бессменным и начальником станции, и диспетчером, и машинистом, и, уж конечно, стрелочником. Как вписал посол в последний годовой политический отчет для Москвы, «повседневной оперативной, информационной и аналитической работой посольства руководит советник-посланник Муравьев А. Н.».

Муравьев на минуту оставил свой чемодан и, присев на стул, мысленно стал перебирать все предложения, которые он получил. Но время поджимало, и надо было не сидеть в раздумьях, а собирать вещи.

Наконец он захлопнул этот злосчастный чемодан и, взглянув на Рудакова, рассмеялся. Тот упрямо делал вид, что рассматривает листок с какой-то рекламой недельной давности. Рудаков явно не спешил уходить, не сказав Муравьеву всего, что хотел.

— Ну, упрямец... У нас с тобой еще пара минут. — Муравьев достал бутылку, рюмки. — На посошок! И выкладывай, что там еще не договорил.

— Мы хотим временно взвалить всю черную орграбoту на одного нашего довольно опытного и расторопного парня...

— Поди, вор?

— Не говори так. Парень достойный. А тебя, пока ты еще не в отставке, хотим попросить присматривать за ним. Не дать ему наколбасить в чем-нибудь, что-то посоветовать, подсказать. Есть в нем молодая горячность, вредная в нашем деле.

— Вам человек нужен сейчас, на полный рабочий день. В финансах поверхностным советом или подсказкой на ходу не обойдешься. Вот какая штука, мил человек. А мне до отставки еще почти два года.

— Будем считать это началом разговора. — Рудаков обнял Андрея. — В сентябре поговорим и что-то дельное придумаем. Уверен, решение есть.

Неудивительно, что во время полета Муравьев был не в лучшем настроении. Когда в марте он приехал в очередной отпуск в Москву, мидовское управление кадров сразу взяло его на прицел. И как он ни избегал, разговор все-таки состоялся. Он знал кадровиков, умел с ними разговаривать: «О, спасибо, Степан Васильевич. Предложение интересное, более того — заманчивое. Я тщательно продумаю, семейные дела все-таки... А вернусь с отдыха уже с ответом». Так и уходил от серьезного разговора.

Сейчас в Москве ему предложили после выхода в отставку пост советника при полугосударственной-получастной комиссии по взысканию долгов с иностранных государств в пользу России. Большие суммы — далеко за двести миллиардов долларов. Он зарезервировал ответ до осени. Еще раньше, до отъезда в Москву, одна французская промышленная группа с тесными связями с Россией сделала интересное предложение. Сославшись на отпуск, он тоже уклонился от ответа. Но сейчас все же придется сказать «да» или «нет». Была и еще какая-то мелочевка. И теперь вот рудаковское предложение. Такое «изобилие» было в общем-то понятно. По закону через два года он должен был выйти в отставку. Шестьдесят пять лет, и точка, хотя иногда бывали исключения в ключевых для нас странах. А крупные предприятия, работающие на экспорт, всегда стремились отловить квалифицированных дипломатов-отставников. Да и перспективную молодежь из МИДа тоже.

Выходя из самолета, Муравьев сразу увидел Сергея Синявина, первого секретаря посольства, своего помощника.

— С приездом, Андрей Николаевич. Мы уж заждались, прошел слух, что рейс может быть задержан. Посол весь извелся, он ждал вас почему-то еще вчера.

Час поздний, улицы свободны, и через сорок минут машина въехала во двор резиденции посла на улице Гренель.

В последние десятилетия почти везде укрепились практика назначения в качестве послов профессионально подготовленных дипломатов. По большей части так оно и было в Советском Союзе. Но уже с начала 90-х годов в России на ответственных и, что говорить, «престижных» дипломатических постах замелькали имена случайных людей, непрофессионалов и даже не политиков. Из породы тех, кто сегодня влиятелен, богат и хочет покрасоваться среди элиты. Этот феномен «мещанина во дворянстве» выглядел нелепо, когда на дворе был XXI век. Впрочем, такими нелепицами пестрила вся история новой России, и на это как на очередную гримасу российской «демократии» можно было закрыть глаза. Если бы не дотошные журналисты, которые время от времени обнаруживали в биографиях шагнувших из грязи в князи пикантные и даже уголовные странички. Слава богу, на наиболее ответственных дипломатических постах в крупных странах такого рода шпана почти не появлялась, а появившись, быстро исчезала. Но и там постоянно сменяли друг друга «люди со стороны» из тех, кого борьба кланов, бесконечные интриги или шумные скандалы в московских верхах выталкивали на обочину политической жизни. Эта практика болезненно сказывалась на внешней политике страны. Немало таких деятелей, пришедшихся не ко двору в Москве, прошли за последнюю четверть века через посольское кресло в Париже, а потом ушли в небытие.

К счастью, нынешний посол Сергей Александрович Кротов был человек иного склада, хотя и «со стороны». Он не был профессиональным дипломатом. Хозяйственник, бывший министр-отраслевик, инженерное образование и четкий ум, хороший служака и во всех отношениях человек надежный, он

сразу навел порядок в изрядно разболтанном коллективе. Бездельники, балбесы-кутилы, люди, занятые лишь своими делишками, работающие не на посольство, а на некие частные интересы олигархов, были высланы, что изрядно увеличило число личных врагов Кротова в московских верхах. Муравьев не мог справиться с ними — не хватало ни власти, ни характера.

У Кротова же сразу обнаружилось великое достоинство: он отлично понимал, что глобальные интересы его страны и конкретная политика нынешней власти, разных ее представителей, — далеко не всегда одно и то же. Впрочем, он был достаточно умен, чтобы не афишировать это. Но действовал всегда, даже, казалось бы, в мелочах, с учетом данного фактора. Это роднило его с советником-посланником Андреем Муравьевым. Тандем Муравьев — Кротов повел дела значительно лучше, чем это раньше удавалось в одиночку Муравьеву. Политическая информация в Москву была освобождена от приукрашивания, от тенденциозности в подборе фактов в угоду проамериканскому клану в Москве.

Кротов ожидал приезда Муравьева, прохаживаясь по мощенному гранитной брусчаткой переднему двору своей резиденции — старинного особняка середины XVIII века. Особняк был построен герцогом д'Эстре, позднее его приобрело царское правительство. Размещалось в нем русское, а затем советское посольство. В середине 70-х годов прошлого века посольство переселилось в специально построенное здание, а особняк на улице Гренель после капитального ремонта под надзором французских архитекторов стал резиденцией посла с апартаментами для высоких гостей из Москвы и проведения важных приемов, деловых встреч и переговоров.

Двор был слабо освещен. Кротов не любил, как он говаривал, «иллюминацию» ни на переднем дворе, ни в саду позади особняка. Охрана всегда приглушала свет, когда он выходил вечером подышать воздухом. Особняк стоял темный, светились только окна третьего этажа частной квартиры посла над огромными окнами приемных залов нижних этажей.

— А ты никак похудел. — Кротов слегка обнял Муравьева. — Времени отдохнуть совсем не было?

— Надеюсь здесь отдохнуть, — отшутился Муравьев.

Они поднялись в квартиру посла. Муравьев вынул из кейса толстую пачку писем.

— Начнем, конечно, с писем...

Кротов быстро просмотрел все конверты, по почерку узнавая отправителей.

— Садись, перекуси, выпей с дороги, пока я читаю.

С домашними делами все, видно, обстояло нормально. А вот деловые письма от друзей не порадовали Кротова. Он заметно помрачнел, явно не находя того, что ждал, — сообщения, когда же подойдет к концу его ссылка в Париж. А именно так он расценивал свою отставку с министерского поста и назначение в Париж.

— Не очень-то радостные известия. — Кротов отбросил в сторону прочитанные письма. — Ничего определенного об отъезде.

Муравьев знал, что при назначении Кротова в Париж на самом верху было обговорено, что речь идет о временном переходе в дипломатию. В ожидании скорого освобождения поста президента государственной корпорации по экспорту вооружений. «Пару лет поработаешь в посольстве, познакомишься с их механикой, наберешься опыта ведения переговоров. Мы к тому времени подготовим все, чтобы освободить кресло», — заверяли его.

— Пошел третий год, как я здесь, а из Москвы до сих пор ничего конкретного, — сказал с досадой Кротов. — И это письмо из президентской администрации не очень вразумительно.

Кротов молча прошелся по гостиной, освещенной одним торшером. Муравьев в полумраке не видел его лица, но по интонациям чувствовал, что тот сильно обескуражен и до предела расстроен.

— Да, не с хорошими новостями ты вернулся, — повторил Кротов.

— Рад бы с другими... — Муравьев развел руками. И, помолчав, добавил: — За обещанный тебе пост идет жестокая драка.

Ты знаешь это лучше меня. И лучше других знаешь, что так просто в чьи-то руки американцы отдать его не позволят. Сейчас они контролируют не только весь экспорт вооружений, но и всю торговлю высокими технологиями, которая сосредоточена в той же оборонке. Прости меня, Сергей, но американцы к тебе пылкой любви не питают... Я уже думал, тебе стоило бы срочно прокатиться на недельку в Москву, выяснить обстановку, попробовать подтолкнуть дело, пока оно не заглохло. На верхах расклад сил не изменился, шансы остаются. Но надо быть там, на месте... Да и не только чтобы помозолить глаза начальству...

— Сегодня напишу письмо премьеру. Надо найти оказию отправить его побыстрее. Подожду ответа, прежде чем идти в рукопашную.

У Кротова, конечно, были кое-какие козыри. Русский промышленный союз, влиятельным членом которого он был, оказывал солидную поддержку премьер-министру Костомарову и группе его сторонников в правительстве. В течение нескольких лет эта группа противостояла американскому клану и ценной упорной закулисной борьбы, компромиссов, политических комбинаций сохраняла свои позиции. Помимо поста премьер-министра, она стабильно имела пост вице-премьера и три министерских — внутренних дел, иностранных дел и атомной энергии. Она пользовалась поддержкой, чаще косвенной, но порой и прямой, со стороны русских партий, общественных организаций национально-патриотической ориентации. Но любые попытки потеснить американский клан, который, как скупщик краденого, передавал своим иностранным хозяевам все российское и советское национальное достояние, были безуспешны. Финансовая, материальная и военная силы были на их стороне. К тому же они оказывали безраздельное влияние на стареющего президента, его семью, жену, детей, втянутых в подконтрольную этому клану и не всегда безупречную с точки зрения права сферу бизнеса. Со своей стороны и американцам не удалось потеснить группу Костомарова. Они

боялись идти ва-банк, понимая, что страна все ближе подходит к социальному взрыву.

— О поездке в Москву уже думал. Ну, давай рассказывай, чем она дышит. По части сплетен столица наша вроде бы никогда не скудела.

От всех, кто приезжал из Москвы, всегда ждали живых новостей. И вовсе не потому, что были обделены информацией. В любое российское посольство, как было заведено еще при советской власти, оперативно поступают практически все издающиеся в столице газеты и журналы. По спутниковому ТВ идет пять московских программ. Пространными шифрограммами регулярно высылалась информация и ориентировки по внутренним делам и международным вопросам. В них можно было найти все, что отсутствовало в средствах информации. Но все это официальная или официозная информация. А хорошему дипработнику всегда надо знать гораздо больше. Иметь представление, как действуют именно сегодня те или иные рычаги власти.

Муравьев подробно рассказал послу о всех закулисных московских новостях и сплетнях, которые удалось узнать: какие ветры веют в президентских, правительственных коридорах, кто «на подъеме», кто в «королях», кого куда назначают, кого снимают, кто с кем интригует, на кого «наехали», кто кого «кинул». За всем этим жаргоном был огромный людской муравейник, причудливое переплетение интересов и страстей. Из этого, увы, и складывалась в основном государственная политика.

— Самое неприятное, что вокруг президента, как и раньше, глубокий информационный вакуум, — подытоживая впечатления, сказал Муравьев. — Наши умельцы, блоху подковавшие, сделали недостижимое. Когда президент смотрит свой «ящик», с его экрана убирается все, что, по мнению окружающих его чиновников и олигархов, президент знать не должен. А тот не замечает этих трюков. Многие указы старик подписывает не читая, с глазами у него стало хуже. И все вершит, как ей заблагорассудится, та группа из пяти-восьми человек, включая жену и дочь, которые имеют «доступ к телу».

Около двух часов ночи Кротов и Муравьев закончили разговор и спустились во двор. Париж затихал. Из-за высокой стены и глухих ворот на улице Гренель почти не было слышно шума проезжающих машин. Как всегда, над городом стояло яркое красное марево. Сегодня оно причудливо высвечивало быстро бегущие рваные облака, последние рецидивы ушедшей мартовской непогоды с ее нескончаемыми сменами солнца, дождя и града.

Ночь была сухая, но ветреная. И даже сюда, в это маленькое замкнутое пространство парадного двора, то и дело прорывался неуютный колючий ветерок. Поеживаясь, Муравьев сел в машину. Он до смерти устал и почти сразу отключился от всего — и от дел московских, и от нерадостных впечатлений, с которыми он каждый раз возвращался из отпуска или командировок, и от терзаний, которые оставались где-то в закоулках сознания, от раздумий по поводу гибнущей на глазах дипломатии великой державы, и от той душевной неуютности, которую вызывала приближающаяся отставка.

Кротов, помахав рукой вслед машине, принялся расхаживать по двору, будто не чувствуя ночного холода. Он был вздернут письмами и рассказами Муравьева. Его угнетала эта атмосфера тупой безысходности, которая постоянно исходила от Москвы и которую сегодня он почувствовал еще более остро, слушая советника-посланника.

* * *

До начала рабочего дня оставался еще час, посольские коридоры были по-утреннему тихи. За время отпуска Муравьев перестроился на московское время и сегодня, проснувшись, как обычно, в семь по Москве, увидел пустые парижские улицы. Он обвел взглядом просторный и хорошо обставленный кабинет, где работал уже восемь лет. Чувствовалось, что уборщица потрудилась к его приезду. Не забыла включить и кондиционер... Он, кстати, был единственной принадлежностью

не по душе Андрею, но был необходим: специально оборудованные от просмотра и наружного прослушивания окна не открывались.

Усевшись за стол, Муравьев сразу открыл папку с документами. Направляясь в такую рань на работу, он думал посидеть спокойно, собраться с мыслями, но объемистая папка с жирной надписью от руки «ВНЕ ОЧЕРЕДИ» выделялась на пустом столе так броско, что Андрей автоматически открыл ее и погрузился в чтение. Его помощник отобрал самые срочные бумаги местной почты: личные письма от французов и дипломатов в Париже, с которыми Муравьев поддерживал деловые отношения, обращения и запросы различных французских учреждений, организаций, приглашения на приемы и прочая текучка. Это все срочное, но далеко не самое важное. Есть еще почта из Центра, «входящая». Она требует большой работы: правительственные указания, запросы, поручения, политические ориентировки и информация. Ею нельзя заниматься на ходу. Важнее же всего почта «исходящая»: обратный поток в Москву, доклады о выполненных поручениях, текущая информация о положении в стране и анализ политической обстановки за последние пару недель, конечно, с обзором возможных перспектив, — вот что было самое ответственное, самое трудоемкое. И все эти потоки шли своим чередом, ничье отсутствие не должно было нарушать диктуемый жизнью ритм.

К возвращению Муравьева бумажных завалов не образовалось, посольство всегда работало как слаженный механизм. За границей у дипломата, в сущности, почти вся переписка, даже самая, казалось бы, личная, носит служебный характер. Любой дипломат прежде всего представитель своего государства, а уже потом лицо с конкретной фамилией. Большинство писем в адрес Муравьева, когда он отсутствовал, Сергей обрабатывал сам, все, что требовало реакции, быстрого решения — решал. Если не мог, передавал послу или кому-то из советников. С бумагами, которые остались ждать его возвращения, Муравьев разделался довольно быстро. На «уголках»,

листочках-осьмушках, приколотых к левому верху письма, замелькали его резолюции, указания: «дать согласие», «извиниться», то есть вежливо отказать, «пригласить на беседу».

Несколько бумаг легли в сторону. Письмо адвоката, который по поручению посольства вел одно довольно заковыристое дело, приглашение сенатора от департамента Воклюз провести летом несколько дней в его имении на Лазурном Берегу и записка его близкого друга академика Антона Николаевича Щукина, видного ученого, ныне гендиректора крупнейшего в России научно-производственного комплекса в области атомной энергетики. Он был здесь с делегацией, которая уже месяц вела какие-то нескончаемые переговоры. Ему нужно было срочно связаться с Муравьевым по возвращении из отпуска. Щукин разминулся с ним — он прилетел в Париж на день позже вылета Андрея в Москву. Ничего об этих переговорах не слышно было в Москве, не занималось этой делегацией и посольство. Муравьев сообщил Щукину, что готов увидеться с ним в любое время, начиная с девяти вечера. Более ранние часы были уже расписаны.

Нередко особо важные сообщения проходили обсуждение с участием советников, торгпреда, военного атташе и представителей спецслужб, которые всегда есть и будут в любом посольстве мало-мальски значимой страны. Обычно всю черновую подготовительную работу к отправке написанных сотрудниками телеграмм делал Муравьев. Послу оставалась чистовая доводка, шлифовка подготовленных депеш. Конечно, посольство в Париже — одна из нескольких ключевых точек российской внешней политики. И как минимум треть информации из Парижа шла на самый верх. Точно так же, как из других столиц, делающих мировую политику. Телеграммы из менее значимых стран редко поднимались выше стола министра иностранных дел или его замов.

В посольстве был хороший костяк — опытные первые секретари, советники — десяток «светлых голов и хороших перьев». Но основная, слишком уж многочисленная, молодежная

масса — вторые, третьи секретари, атташе — как правило, отличались большой амбициозностью при слабой профессиональной подготовке. Как никогда раньше вся кадровая работа в МИДе покоилась на «телефонном праве», а конкурсная система приема на работу так никогда и не была создана. Само это словечко употребляли, но лишь для прикрытия при назначении нужных людей, точнее, отпрысков «хороших семей» из нуворишей.

* * *

Из коридора стали доноситься голоса, хлопанье дверей. В начале десятого работники канцелярии и дипломаты расходились по своим кабинетам. Рабочий день начинался по раз и навсегда заведенному порядку: первый утренний час — чтение поступивших за ночь шифротелеграмм (теми, кто допущен к этому), почты, перелопачивание газетной, журнальной информации. При ее профессиональной обработке, обладая, конечно, определенным опытом и чутьем, можно выудить до восьмидесяти процентов всех сведений, включая конфиденциальные, которые представляют интерес для дипломатической службы и ее правительства. Затем «оперативка» — ежедневные совещания дипсостава у посла, порой затягивающиеся на целый час. А потом все разбегаются. Одни садятся писать информацию для отправки в Центр, другие собирают для них материалы, встречаясь с официальными лицами в правительственных и парламентских кругах, с общественными деятелями. Пресс-конференции, выставки-ярмарки, где можно встретить нужных людей, поговорить, «накачаться слухами», часть которых при проверке пойдет в корзину, а кое-что пригодится для Москвы. Встречи-проводы официальных делегаций — тоже случай для делового разговора. Вечером неперенные коктейли, приемы, званные обеды. И, конечно, много всякой другой суеты, полезной и не очень, но всегда необходимой.

Из памятки, которую дал помощник Андрею, выходило, что день будет напряженным. В 10:15 участие в беседе у посла

с председателем Центробанка России, прилетевшим в Париж пару дней назад. Потом изучение судебного досье, которое передаст адвокат. В 17:00 вызов в Европейский департамент французского МИДа. На вечер приглашения на приемы в посольстве Испании, в Министерстве экономики и финансов, а также обед-дискуссия в Ассоциации дипломатической печати с выступлением премьер-министра Индии. Довольно насыщенный для первого послеотпускного рабочего дня график. На вечерние мероприятия Муравьев решил послать вместо себя других дипломатов — на многоядных приемах такое не возбраняется.

До приезда посла оставалось минут сорок. Муравьев решил пройти по комнатам, поздороваться с товарищами, раздать привезенные из Москвы письма и посылки. Канцелярия посольства техническая, но без преувеличения одна из центральных служб: шесть молодых женщин, работники высочайшей квалификации, обеспечивали бесперебойное вращение посольских механизмов — печать документов, стенография, делопроизводство, картотеки, архив, обработка входящей и исходящей почты. В напечатанных ими документах ни на русском, ни на французском языках не водились помарки, опечатки и уж тем более грамматические или орфографические ошибки. Им даже случалось исправлять грамматику и смысловые ляпы, допущавшиеся в спешке дипсотрудниками от атташе до посла.

Девушки явно ждали появления Муравьева. Письма из дома, полученные таким приватным путем, всегда были подробнее, со всеми домашними «секретами», которые люди не любят доверять ни обычной международной почте, ни даже диппочте. В канцелярии Андрея Муравьева любили за его ровный характер, уважительное отношение к сотрудникам, высокий профессионализм и опыт, которого частенько не хватало другим. Там он узнал и то, что не могло не заинтересовать его по работе: первый секретарь Аврамовский, работавший в экономотделе, перешел на работу клерком в один из местных банков, филиал Центробанка России. Эта новость вздернула

Андрея — посольство, как, впрочем, вся дипслужба страны, деградировало, превращалось в подобие какой-то жалкой конторы, в проходной двор. Из канцелярии Муравьев прошел по кабинетам сотрудников. Он заранее знал, кто действительно рад его приезду, а кто подобострастно старается сделать обрадованный вид.

Закончив этот ритуал, Муравьев направился в кабинет посла.

— Не очень ты меня вчера порадовал новостями, — встретил Кротов Андрея. Он явно не спал эту ночь. Веки припухли, обозначились морщины на его обычно гладком лице. В свои пятьдесят с хвостиком он выглядел лет на сорок пять. — А главное — с переходом на работу в Москву полная неясность.

Муравьев давно не видел Кротова таким расстроенным.

Кабинет посла был защищен от прослушивания. Этот огромный по первоначальному проекту кабинет в процессе дооборудования сильно урезали. Фактически в объем кабинета встроили новое помещение, новое защищенное от прослушивания пространство. Кабинет сузился и укоротился, поднялся пол, опустился потолок. Повесить люстры было уже невозможно, пришлось ограничиться множеством настенных бра. Внешнее прослушивание здесь, конечно, исключалось. Во всяком случае, за многие годы не было никаких признаков утечки информации вовне. Но сказать с такой же определенностью, что он не прослушивается собственными спецслужбами, никто бы не рискнул. Дело в том, что оборудование кабинета ставилось ими и при необходимости они могли сделать прослушку возможной. Сделали они это или нет, можно было только гадать. Но то, что и посол, иной раз вопреки самым жестким правилительственным инструкциям, становился объектом прослушивания, это факт, которого спецслужбы стараются не касаться, но который они и не опровергали никогда. Хотя многие иностранные послы в доверительных разговорах не скрывали, что порой чувствуют за собой глаз собственных спецслужб. Причина простая: иногда у разведки маловато информации, давай заглянем в посольские закрома. Видимо, поэтому недавно